

ХАРЬКОВСКИЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

	На годъ.	На $\frac{1}{2}$ года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки и пересылки	8 р. 50 к.	5 р. 50 к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою на дому . . .	9 „ — „	6 „ — „	4 „ — „	(1 „ 40 „
Съ пересылкою	10 „ 20 „	6 „ 60 „	4 „ 20 „	
Цѣна отдельному номеру въ Конторѣ Редакціи	10 коп.			

Подписка принимается: а) в Конторѣ Редакціи въ Харьковѣ въ Конномъ переулкѣ, въ домѣ Тихоновой, и б) въ квартирахъ гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Харьковской губерніи.

7 МАРТА 1877 ГОДА.

No 61-II.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ:

При помѣщении частныхъ объявленій платы за объявленія, печатаемыхъ корпусомъ, взимается по тарифу, находящемуся въ Редакціи, за занимаемое объявленіемъ мѣсто. Объявленія отъ учрежденій оплачиваются по 3 р. за столбецъ крупнаго шрифта, 4 р.—среднаго и 5 р. мелкаго. Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, по усмотрѣнію Редакціи, подлежатъ сокращенію. Харьковскія Губернскія Вѣдомости выходятъ ежедневно.

ПОСЛѢ ПРАЗДНИЧНЫЙ НУМЕРЪ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

«Харьковскихъ Вѣдомостей».

ОТЪ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТИСТВА.

ВЪНА, 5 (17) марта. Въ Константи-
нополь каждодневно ожидаютъ рево-
люції. Всюду воззванія къ возстанію,
требующія ссылки Махмуда Дамада.
Войска ненадежны; редифы и много
софтовъ удалены изъ Константинополя;
военная академія уже возмутилась.

Въ столичныхъ газетахъ напечатаны
следующія телеграммы: *

ПЕТЕРБУРГЪ, 4 марта. Нѣкоторые изъ женскихъ монастырей заявили обществу понечеія о разненыхъ и больныхъ лицахъ желаніе въ случаѣ войны сформировать отряды сестеръ милосердія. По докладѣ объ этомъ Августейшей покровительницѣ общества, Ея Величество повелѣть соизволила благода- рить настоятельницѣ этихъ монасты- реи.

Отсюда, по словамъ газеты *Новости*, отправляется въ Новгородъ мастерская для обмуздинования шестаго корпуса.

Засѣданіе кассационнаго департамента сезата по дѣлу о злоугодрѣбленіяхъ въ московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ, по словамъ *Русской Мир*, состоится 15 марта.

Изъ Константиноополя телеграфируютъ въ *Голосъ*, что между Портой и Сербіей возникаютъ недоразумѣнія. Полагаютъ, что заключенный между ними миръ ненадеженъ. Положеніе Эдхемъ-паша шатко. Султанъ цѣлую недѣлю не принимаетъ его и проводитъ времѧ съ Махмудъ-Даматъ-пашой, который управляетъ всѣми дѣлами. Въ филиппольскомъ и адрианопольскомъ округахъ заготавливаются огромные запасы продовольствія. Турацкія войска, стоявшія при Александровѣ, двинуты къ Нишу и Сидистріи.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 15 (3) мар-

та. Министръ иностранныхъ дѣлъ на происходившій сегодня конференціи, какъ увѣряютъ, разяснилъ черногорскімъ делегатамъ, почему Турція невозможна согласиться на ихъ требованія особенно относительно Никшича, Спицы и берега Морачи. Министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ только исправленіе границъ на Зубцахъ, Баньянахъ, Пивѣ, Дробникѣ и Шарапчахъ, но требовалъ за это исправленія границы въ пользу турокъ въ Вассосавичахъ. Несмотря на это, какъ увѣряютъ, дѣло не дошло до разрыва. Черногорскіе делегаты рѣшили увѣдомить обо всемъ въ Цетинѣ.

ВЪНА, 16 (4) марта. Въ политической Корреспонденции сообщаютъ отъ сегодняшняго числа изъ Катаро: Прибылъ сюда русскій пароходъ *Лазаревъ*, нагруженный хлѣбнымъ зерномъ и мукой. Грузъ на пяти нанятыхъ судахъ пропровождается по рѣкѣ Бояниѣ въ Черногорію. Турацкая ярфօсеть Никшичъ получаетъ продовольствіе чрезъ Скутари и Подгорицу, для чего князь черногорскій далъ туркамъ въ распоряженіе потребное количество лошадей.

БУКУРЕШТЬ, 15 (3) марта. *Агентству Гаваса* сообщаютъ изъ Константіаполя, отъ 13 марта, объ арестѣ нѣсколькихъ софть вслѣдствіе распространенія ими прокламацій, объявляющихъ изгнаніе Мидхата незаконнымъ, протестующихъ противъ мира съ Сербіей и требующихъ отвергнуть пристанзію Черногоріи и предпочтеть войну уступкѣ, хотя бы клочка территоріи.

ЛОНДОНЪ, 16 (4) марта. Въ нижней палатѣ статсъ-секретарь Индіи, пан запроось Робертсона, объявилъ, что договоръ съ Келатомъ есть только простое возстановленіе трактата 1854 пріимѣнительно къ настоящимъ обстоятельствамъ, и не означаетъ политики захвата.

ЛОНДОНЪ, 16 (4) марта. Times вѣдѣтъ въ поѣздкѣ генерала Игнатьева въ Лондонъ признакъ, подытый надежды на сохраненіе мира, и полагаетъ, что программа путешествія Игнатьева не

потерпѣла бы измѣненія безъ основа-
тельного ожиданія, что удовлетвори-
тельный для всѣхъ сторонъ протоколъ
состоится.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТИЯ.

— Изъ *Москвы* пишутъ въ газету *Нашъ Вѣкъ*: Торговля мануфактурными издѣліями въ настоящее время и во всю зиму идетъ и шла такъ плохо, что никто изъ старожиловъ-торговцевъ не запомнить. Иногородные покупатели, занявшіе кредитъ въ Москвѣ, почти не являются и не присыпаютъ по документамъ уплаты. Подобросовѣстпѣ изъ нихъ являются и предлагаютъ цлатежъ изъ рубля 20 коп., а остальные просятъ отсрочить, а люди, желающіе вовсе не платить долговъ, присыпаютъ своихъ сродниковъ и приказчиковъ прикупить товаровъ за деньги у постороннихъ мануфактурристовъ, стараясь и у нихъ акредитоваться. Вообще же провинція жалуетъ на застой торговли всѣми почти товарами. Москва, въ свою очередь, переживаетъ такой кризисъ, котораго у насъ еще не было; въ особенности много значительныхъ торговцевъ чаемъ слѣдались

Городъ въ Москвѣ оставалась несостоительными; надъ одними изъ нихъ учреждены администрации, а надъ другими конкурсы, съ заключениемъ въ долговое отданіе. Бумагопрядильныя фабрики частью уменьшили число фабричныхъ, а другія вслѣдствіи прекратили работы; такъ, на днѣхъ остановлена громадная фабрика Лепешкина, находящаяся въ Дмитровскомъ уѣздѣ, выѣзжавшая бумажную пряжу и ткани изъ нея. Всѣдствіе закрытія этихъ значительныхъ фабрикъ, цѣни на бумажную пряжу начали возвышаться. Въ самой Москвѣ закрыто также нѣсколько разнородныхъ фабрикъ, а на другихъ почти работы простояны и до 40 тысячъ рабочихъ разочтены. Нѣкоторые изъ нихъ ушли на рѣчину, а другіе, менѣе привычные жить въ поселеніи, Москвѣ, пропитываясь на разныхъ пресахъ, достать себѣ кусокъ хлѣба смеркнутся, какъ эти лю-

центральныя улицы и, протягивая руки, вымоляваютъ подаяніе „Христа-ради“. Всѣ трактирныя заведенія и питейные дома, открытые не подалеку отъ фабрикъ, торгуютъ весьма плохо, и недоборъ акциза за вино, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, весьма чувствителенъ.

— Одесск. Вѣстн. сообщаетъ, что одесская телеграфная станція въ минувшемъ году завалена была работой. Вся рѣшительно телеграфъ переписка всѣхъ пословъ, бывшихъ на константинопольской конференціи (кстати сказать, шифрованная) велась черезъ Одессу. Всѣхъ телеграммъ отправленная и получено было въ минувшемъ году на одес. телеграфнціи, если не ошибаемся, до 60.000. Число это не даетъ еще понятія, такъ какъ телеграммы отъ пословъ и затѣмъ телеграммы къ посламъ большою частю были слишкомъ длинны (послами, напр., передавались подробности о каждомъ засѣданіи конференціи).

— Та же газета сообщаетъ, что 2-го марта скончался въ Одесѣ (въ собственномъ домѣ) братъ сербской княгини Наталіи—Ив. Петр. Кешко, сражавшійся въ рядахъ противъ турокъ и получившій въ походахъ ту болѣзнь, которая свела его въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ въ могилу.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ИЗВѢСТИЯ.

— „Кельнскай Газета“, издавна отличавшаяся своею безграничною вѣрою въ военные силы Турціи и упорно отказывавшаяся воздавать должное усилиямъ Россіи по улучшенію участія христіянъ, приходитъ теперь къ заключению, что для Турціи было бы благоразумнѣе принять предложения конференціи и тѣмъ избѣжнуть понудительныхъ мѣръ. По словамъ послѣдней корреспонденціи изъ Берлина, напечатанной въ поманутой газетѣ, Порта рѣшилась обратить вниманіе державъ на мобилизацию русской арміи и заявить, что образъ дѣйствій Россіи препятствуетъ ей въ выполнении предположенныхъ реформъ. Эта шагъ, клоня къ ускоренію развязки, все-головѣ пугаетъ корреспондента „Кельнскай Газеты“. „Россія, говорить онъ, можетъ открыть военные дѣйствія не ранѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; этимъ временемъ Турція должна воспользоваться, для того чтобы отнять у Россіи всякий предлогъ къ войнѣ, согласившись на требованія конференціи, въ сущности весьма умѣренныя. Больѣ благопріятныхъ условій Порта никогда не въ состояніи будетъ себѣ выговорить. Для Россіи первое и послѣднее слово—это гарантія, а менѣе обременительныхъ гарантій даже невозможно придумать“.

— туркофильская газета „Кельнскай Газета“ пишетъ, что образъ въ затрудненій; теперь турки, чтобы загородить

извели какое либо впечатление на Порту. Необходимость совокупнаго дѣйствія Европы тѣмъ очевиднѣе, что с.-петербургскій кабинетъ не отказался отъ надежды придать все еще существующему соглашенію между представителями державъ въ Константинополѣ практическое значеніе, не затрогивая, однако, щекотливости кабинетовъ и подвергая Порту беззлорѣніемъ униженіемъ.

— Переговоры о мирѣ между Черногоріей и Портою по прежнему не приводятъ ни къ какому соглашенію. Послѣднія телеграммы сообщали, что турецкое правительство противится всякой территоріальной уступкѣ. Замѣтально, что сербскій уполномоченный въ Константинополѣ со дня на день откладываетъ свой отѣздъ. Савфетъ-паша послѣ, какъ извѣстно, турецкому послу въ Лондонѣ Мусурусъ-пашѣ депешу, въ которой объявляетъ, что онъ, (?) рѣшился ввести общія реформы, которые раздѣляются на два класса; подлежащія немедленному введенію и должны быть представленными на предварительное утвержденіе парламента. Интересно знать, что понимается Савфетъ-паша подъ словомъ „немедленно“ и одобрить ли парламентъ реформы, когданимъ образомъ измѣняющія нынѣшнее устройство османскаго государства. Замѣтально и то, что Савфетъ-паша возвѣщаетъ, что онъ рѣшился ввести реформы, которые, на сколько извѣстно, вовсе не относятся къ вѣдомству иностраннѣхъ дѣлъ. Это обстоятельство доказываетъ, что турецкіе государственные люди не признаютъ внутренней необходимости реформъ и ставятъ послѣднія въ зависимости отъ направлѣнія вицѣнной политики.

— Бѣлградскій корреспондентъ „Times“ пишетъ отъ 5 марта: „Сообщенія вчера подробности о приготовленіяхъ къ проголосованію ожидаемому занятію Босніи и Герцеговины австрійскими войсками служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ невѣжества турецкихъ чиновниковъ, такъ какъ попытка воспротивиться подобному занятію при помощи мѣстной милиціи хотя и похвальна съ точки зрѣнія отвлеченнаго патріотизма, но съ военной точки зрѣнія является нелѣпостью и свидѣтельствуетъ, что турки не имѣютъ никакого понятія объ австрійскихъ военныхъ силахъ“.

— Во France напечатаны слѣдующія подробности о пребываніи генерала Игнатьева въ Парижѣ:

— Генералъ Игнатьевъ въ сопровождении своей супруги и секретаря пробылъ 8 марта утромъ въ Парижѣ. Онъ былъ встрѣченъ на станціи желѣзной дороги русскимъ генеральнымъ консуломъ г. Кумани, который замѣнилъ князя Орлова, задержанного легкимъ недорожьемъ. Генералъ отправился въ Hôtel du Rhin на Вандомской площади, где и будетъ квартировать во время своего пребыванія въ Парижѣ.

„Въ часъ генералъ Игнатьевъ посыпалъ князя Орлова, у которого встрѣтился съ графомъ Шуваловымъ, русскимъ посломъ въ Лондонѣ.“

„Въ три часа пополудни онъ имѣлъ краткое свиданіе съ герцогомъ Деказомъ, потомъ возвратился въ отель, куда передъ обѣдомъ прибылъ самъ герцогъ заплатить визитъ русскому дипломату и объявить ему, что маршаль-президентъ предоставляетъ свою ложу въ оперѣ въ распоряженіе г.-жи Игнатьевой.“

„Огобѣдавъ въ отель, генералъ отправился смотрѣть Dora въ театрѣ Vaudeville, и затѣмъ вмѣстѣ съ г.-жой Игнатьевой и княземъ Цертелевымъ въ ложу маршала, въ оперу.“

„9 марта съ 9 часовъ генералъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ и принималъ посыщеніе многихъ политическихъ и дипломатическихъ именистостей, и въ числѣ ихъ графа де-Шодорди, лорда Лайона, князя Гоэнлоэ и проч.“

„Первая бесѣда, которая генералъ имѣлъ съ герцогомъ Деказомъ и нѣкоторыми другими лицами, не дали еще ему возможности составить себѣ мнѣнія о томъ, какъ смотрѣть во Франціи на настоящее положеніе. Тѣмъ не менѣе онъ, повидимому, очень доволенъ своими первыми впечатлѣніями.“

„Въ три часа по полудни генералъ Игнатьевъ былъ принятъ въ елисейскомъ дворѣ президентомъ республики. Послѣ продолжительного разговора съ маршаломъ Макъ-Магономъ, при которомъ присутствовалъ герцогъ Деказъ, генералъ сдѣлалъ визитъ министру-президенту г. Жюлю Симону, и по возвращеніи въ свой отель принималъ посыщенія и погомъ отправился къ г. Вуазену съ г.-жой Игнагьевой и княземъ Цертелевымъ.“

„Послѣ интимнаго обѣда, въ которомъ принали участіе г. де-Шодори и маркизъ Салисбери, прибывшій наканунѣ, генералъ поѣхалъ въ театръ Variétés, въ ложу г. де-Шодори.“

„10 марта утромъ генералъ сдѣлалъ визиты генералу Чальдини и князю Орлову и потомъ принималъ множество посѣтителей и въ томъ числѣ Нуварь-башу, съ которымъ имѣлъ продолжительный разговоръ. Въ половинѣ втораго опѣ отправился въ русское посольство и оттуда въ министерство иностраннѣхъ дѣлъ, где должно было происходить важное совѣщеніе. Вечеромъ онъ присутствовалъ на большомъ обѣде данномъ въ честь его въ министерствѣ иностраннѣхъ дѣлъ.“

„Наканунѣ знаменитый окулистъ докторъ Галезовскій провелъ около часа съ генераломъ. По мнѣнію этого врача, во вторникъ или въ среду окончится лѣченіе офтальмія, и генералъ можетъ оставить Парижъ.“

„Графъ Шуваловъ утромъ 10 марта выѣхалъ въ Лондонъ, сдѣлавъ наканунѣ прощальный визитъ герцогу Деказу. Въ тотъ же день дождь былъ выѣхать и маркизъ Салисбери.“

„11 марта генералъ Игнатьевъ былъ представленъ г. Тьери княземъ Орловымъ, около двухъ часовъ бесѣдовалъ съ бывшимъ президентомъ республики, и затѣмъ отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ герцогомъ Деказомъ.

„Затѣмъ генералъ продолжалъ визиты представителя и обѣдалъ въ русскомъ посольствѣ.

„12 марта у него назначенъ приемъ главныхъ членовъ русской колоніи; затѣмъ генералъ будетъ присутствовать на дипломатическомъ обѣдѣ въ германскомъ посольствѣ, и вечеръ проведеть въ оперѣ.

„Во вторникъ, въ честь его, назначенъ большой обѣдѣ въ елисейскомъ дворцѣ.

„Полагаютъ, что генералъ выѣдетъ изъ Парижа въ среду и отправится въ Вѣну, и оттуда въ Римъ, гдѣ о прибытии его возвѣщено официально.

Далѣе во France сказано слѣдующее:

„Съ тѣхъ поръ какъ генералъ Игнатьевъ находится въ Парижѣ, нѣкоторыя англійскія газеты высказываютъ опасенія чтобы, герцогъ Деказъ не далъ себя „опутать“ (enguirlander) досточтимому послу, и чтобы онъ, позабывъ ноябрьскую декларацию, не скомпрометировалъ себя какимъ-нибудь опрометчивымъ обязательствомъ. Вслѣдствіе этого, чтобы доказать свое участіе къ герцогу, онъ стараются подать ему добрые слѣдѣ и заклинаютъ его не слушать соблазнителя.

„Это доказываетъ, конечно, что у нихъ добре сердце, но вся ихъ ревности рѣшительно излишня. И дѣйствительно, если достовѣрны наши свѣдѣнія, а мы имѣемъ основанія считать ихъ таковыми, то добродѣтель герцога Деказа отнюдь не подвергается теперь испытанію.

„Генералъ Игнатьевъ не имѣтъ рѣшительно никакихъ видовъ на Францію; онъ слишкомъ искусный человѣкъ, чтобы вообразить себѣ, что содѣствіе герцога Деказа можетъ имѣть большой рефь при томъ положеніи, гдѣ самовластьство господствуетъ князь Бисмаркъ. Союзъ съ Франціей въ эту минуту не имѣтъ никакого значенія для Россіи.

„Генералъ прибылъ потребовать отъ герцога Деказа только одного, чтобы онъ себѣ благоволилъ сдѣлаться пассивною чертой соединенія между Англіей и Россіей.

„Набережная Орсе (то-есть французское министерство иностранныхъ дѣлъ) есть нейтральная почва, гдѣ эти двѣ державы размѣняются своими идеями, отнюдь не требуя, чтобы нашъ министръ самъ высказался по вопросамъ стоящимъ на очереди. Не примыкая ни къ Россіи, ни къ Англіи, онъ будетъ ожидать когда сформируется большинство, чтобы присоединиться къ нему.

„Эта политика, очень простая и очень естественная, одобряется всѣмъ дипломатическимъ міромъ, и еще неясно при-

открытии Рейхстага самъ императоръ Вильгельмъ привѣтствовалъ за него г. де-Гонто-Бирона.

„Наконецъ, пусть-же англійскія газеты обратятъ достодолжное вниманіе на официальное присутствіе въ Парижѣ лорда Салисбери. Развѣ оно не служить для нихъ гарантіей?“

Что касается сообщенныхъ газетами разговоровъ князя Цертелева съ иностранными журналистами, то France, отъ 10 марта, объявляетъ слѣдующее:

„Князь Цертелевъ, секретарь генерала Игнатьева, проситъ насъ извѣстить спаса, что онъ видѣлся въ Берлинѣ только съ однимъ журналистомъ, редакторомъ BĂrger-Zeitung, который приписалъ ему слова, какихъ онъ никогда не произносилъ; вслѣдствіе этого подробности о мнѣніяхъ разговорахъ съ нимъ, напечатанныя въ вѣнскѣй Neue Freie Presse—чистый вымыселъ, также какъ и тѣ, что появились въ Standard и Pall Mall Gazette.“

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТИЯ.

Изъ Сербской войны*).

(Разсказъ добровольца).

Всѣ чувствуютъ притокъ душевныхъ силъ.. „Ура! ура-а-а!“ еще громче раздается въ воздухѣ; еще шибче побѣжала цѣпь. Другой, третій, четвертый выстрѣлъ послыаются съ турецкихъ батарей. Но вотъ наконецъ первый выстрѣлъ изъ пушки первого орудія.. Гудить въ воздухѣ наконецъ сербская граната слѣдомъ за нами, высоко перелетая наши головы!.. „А-га, голубчики!“, думаютъ сербы.. „Ура!.. ура-а!“ вторятъ они родной гранатѣ.. Воздухъ оглашается необыкновеннымъ ревомъ пепріятельскихъ батарей.. Мы спасены!.. мы перебѣжали поляну, достигли подошвы аванпостной горы.. Вдругъ залпъ.. залпъ ружейныхъ выстрѣловъ.. турецкихъ аванпостовъ!.. направо, пальво попадало вѣсколько сербовъ. Мы турокъ не видали!.. „Ура!“ крикнули офицеры, и сербы дружно кинулись на гору.. Одна красная феска, другая, третья выскочила изъ ружейныхъ ложементовъ, опрометью кинулась назадъ, бѣжать подъ гору по направлению къ главному лагерю. Турки очистили ложементы послѣ первого залпа. Нѣсколько задыхаясь отъ усталости, цѣпь дружно поднялась на крутую гору; но тутъ наступилъ такой моментъ, котораго мы никакъ не ожидали. Пренебрегая напими батареями, турки направили всѣ свои орудія съ трехъ главныхъ батарей на гору, которую мы только-что заняли. Насъ начали осывать такимъ количествомъ гранатъ, что оставалось только лечь, предоставивъ себя волѣ судьбы.

Мы лежали въ ожиданіи прибытія нашей артиллеріи. Я рѣшательно не понималъ, что вокругъ меня тѣ

реживая первый разъ въ жизни этотъ гранатный дождь, долженъ сознаться, я ошелѣль; я былъ какъ въ забыть.. Направо, пальво, впереди, позади раздавался свистъ этихъ ужасныхъ гранатъ; я слышалъ стоны, я видѣлъ, какъ одна граната разорвалась, оторвавъ ноги съ дня сорба,— я ожидалъ: „Вотъ, вотъ сейчасъ еще одна граната ударить мнѣ въ спину и покончить съ моимъ существованіемъ.. Хоть бы скорѣе!.. къ чему она заставляетъ такъ долго ожидать себя!..“

А во рту тѣмъ временемъ быстро сохнетъ, хочется глотнуть воды,—нѣтъ ея!.. спрашиваешь у серба,—сербъ протягиваетъ фляжку съ раки. Одни глотокъ этого напитка благодатно дѣйствуетъ на организмъ. Минута за минутой постепенно привыкаешь къ своему положенію, приходишь въ себя и впадаешь въ какое-то небывалое до тѣхъ поръ состояніе хладнокровія.

Турки бѣсили меня. Лишь только поднимешься съ места на ноги,—они не жалѣютъ гранаты, норовятъ послать ее какъ разъ на ваше место. Очевидно различая, при помощи бинокля, начальника отъ солдата, турецкіе артиллеристы предпочитали покушаться на жизнь сербскаго начальства.

Черезъ полчаса батарея капитана Никодина съ русскимъ капитаномъ артиллеріи Ладогой прискакала на занятую нами гору, открыла усиленный гранатный огонь по пепріятельскимъ батареямъ. Снова завязалась артиллерійская перестрѣлка. Оставивъ небольшое прикрытие у орудій, намъ нужно было спуститься съ горы въ полукруглую долину, продолжать атаку турокъ. Здѣсь только, въ этотъ моментъ, мы увидѣли, какъ трудно, какъ невозможно правильно атаковать пепріателя съ разныхъ пунктовъ его позиціи безъ строго опредѣленной инструкціи для каждого начальника отдѣльной части,—инструкціи, которая должна была быть составлена высшимъ начальствомъ и сообщена всѣмъ батальоннымъ и ротнымъ командирамъ безъ исключенія. Такой инструкціи у насъ не было, вслѣдствіе чего получился самый плачевый результатъ. Вся растянутая на длинномъ пространствѣ сербская цѣпь, предоставленная самой себѣ, дѣйствовала такъ, какъ ей заблагоразсудится, въ частности. Потерявъ связь въ густыхъ кустарникахъ склона горы, каждый офицеръ, разгоряченный боемъ, увлекалъ за собою по нѣскольку десятковъ солдатъ и направился на тотъ пепріятельскій пунктъ, какой ему казался болѣе удобнымъ для атаки. Другіе воинники, образуя кучки, принимали совершенно иное направление, третьи—болѣе трусливые—просто оставались въ густынѣ кустарниковъ, и какъ бы ихъ на выгорѣ.

противъ первой линіи турецкихъ ружейныхъ ложементовъ. Мы чувствовали, что мы имѣемъ дѣло съ непрѣятелемъ, положеніе котораго несравненно выгоднѣе и сильнѣе насъ. Турки въ большомъ количествѣ были спрятаны въ ложементахъ, изъ которыхъ они осыпали насъ тысячами пуль. Мы были приблизительно въ двухъ-стахъ шагахъ отъ батарai. Одно изъ турецкихъ орудій попробовало было отогнать насъ картечнымъ огнемъ, но картечка перелетала черезъ наши головы, благодаря крутому склону горы, съ которой стрѣляло турецкое орудіе. До поздней минуты битвы сербы были глубоко убѣждены, что мы выгонимъ турокъ не только изъ ружейныхъ ложементовъ, но прогонимъ ихъ и съ высоты ихъ турецкихъ батарей. Сербы были воодушевлены такъ, какъ никогда еще никто не надаѣлъ ихъ воодушевленными. Очевидно они хотѣли порѣшить съ турками, вѣруя въ слова воодушевлявшихъ ихъ русскихъ офицеровъ, что всѣдѣ за сербскою побѣдою будетъ заключенъ миръ, выгодный для Сербii. Утомленные, измученные, лежали они въ канавѣ, не останавливая огня и временно умоляя о резервахъ. Каждый часъ подходили резервы и разсыпались вдоль по линии всей цѣпи. Пространство поля битвы было такъ растянуто, что вся эта сербская цѣнь, всѣ эти резервы просто пропадали, терялись въ пространствѣ отъ глаза наблюдателя. Съ ранняго утра до полудня сербы выдерживали самый ужасный, самый смертельный турецкій огонь; онъ былъ смертеленъ потому, что этотъ огонь былъ направленъ исключительно въ нашу сторону. Не знаю, что дѣлали въ это время начальники другихъ сербскихъ позиций. При началѣ боя мы слышали перестрѣлку въ сторонѣ Бобовистовъ, но эта перестрѣлка вскорѣ затихла. Былъ уже полдень, а Медвѣдовскому только что началъ атаку. Мы видѣли, какъ иѣсколько турецкихъ орудій правой, крайней отъ насъ турецкой батареи, стрѣлявшихъ до тѣхъ поръ по нашей позиціи, направили свой огонь совершенно въ другую сторону, въ сторону атакующихъ колоннъ полковника Медвѣдовскаго. Открылись свободными двѣ амбразуры; наши сербы почувствовали необыкновенное нетерпѣніе (по крайней мѣрѣ тѣ 2 роты, которые были подъ командою прапорщика Звѣринскаго), оставалось кинуться и вскочить въ эти свободныя амбразуры. Иѣкоторые сербы готовы были за рукоашную схватку, но необходимъ былъ хотя маленький резервъ въ подпору. Я послалъ за резервомъ, но ко мнѣ возвращаются съ роковымъ отвѣтомъ: "резервы все израсходованы". Какъ будто обухомъ по головѣ

— Дайте мнѣ одну роту резервовъ!... — выходилъ изъ себя молодой горячій офицеръ Звѣринский.

— Нѣтъ резервовъ... израсходованы! отвѣтилъ я ему.

— Господи!.. Господи!.. столько труда, столько силы, столько убитыми, ранеными потерями мы съ ранняго утра въ теперь должны будемъ отступить обратно, въ отчаяніи рвалъ на себѣ волосы прапорщикъ Звѣринский: — Такъ пусть же лучше проклятые турки убютъ меня, убютъ какъ собаку; я не хочу, я не могу переживать этого позора.

Съ этими словами Звѣринский увлекся до того, что выскочилъ на открытое мѣсто и растопырилъ руки, подставляя свою грудь подъ турецкія пули.

— Безуміе, толкнулъ я его въ сторону. Иѣсколько пуль просвистали между нами: — Прикажите вашей ротѣ отступать постепенно... вы видите, турки обходятъ насъ съ праваго фланга.

Дѣйствительно мы очутились въ затруднительномъ положеніи. Было очевидно, что аттака на правый флангъ не удалась полковнику Медвѣдовскому. Было очевидно, что онъ принужденъ былъ быстро перейти отъ наступленія къ отступленію; турки, само собою разумѣется, кинулись всѣдѣ за отступающими, и такимъ образомъ общая линія нашихъ войскъ была разорвана, и наши центральные 3 батальона оказались въ тылу у непрѣятеля. Турки быстро обходили насъ, но мы не замедлили отступить и, вернувшись на гору турецкихъ аванпостовъ, отбросили турокъ въ ихъ ружейные ложементы. Мы возобновили аттаку, но съ тѣми же результатами. Такимъ образомъ нашъ центръ цѣлый день вѣль аттаку противъ турокъ и турки противъ насъ, пока темнота приблизившейся почти не положила предѣлъ кровавой битвѣ. Мы въ правѣ были считать себя побѣдителями, потому что за нами осталась турецкая аванпостная гора, на которую мы выдвинули наши сербские аванпосты. Но какая это была ничтожная побѣда сравнительно съ нашими потерями убитыми и ранеными!

Батальонъ капитана Стадовскаго, онѣтнаго, хорошаго стрѣлка, бьющаго наѣрика на извѣстное количество шаговъ, дрался рядомъ съ нами на нашемъ правомъ флангѣ, составляя лѣвый флангъ полковника Медвѣдовскаго.

При началѣ боя батальонъ Стадовскаго потерялъ связь, потому что его сняли со знакомой батальону мѣстности и двинули на новую, никому неизвѣстную мѣстность. Человѣкъ 20 черногорцевъ кинулись впередъ. Капитанъ Стадовскій присталъ къ черногорцамъ, потому что видѣлъ вполнѣ кавардакъ во всемъ отрядѣ Медвѣдовскаго. Его батальонъ отсталъ шаговъ на 1,200.

— Кто вы такие? спрашивалъ Стадовскій черногорцевъ,

— черногорцы, идемъ вавы.

— Айда заедно!... крикнули черногорцы.

— Бери яблонъ, угощай черногорца Стадовскаго.

— Не хочу!

— Бери, а то торба полная, тяжело носить.

Черногорцы идутъ, ругаютъ сербовъ.

Спустились они со склона и приблизились къ турецкому шанцу. Открылись турецкие трапезы.. замелькали красные фески.. трескотня ружейной пальбы.. лопанье гранатъ—страшный моментъ!.. Играютъ черногорцы сигналъ: „движение впередъ“ и кидаются на турокъ. Турки моментально очистили шанцы. Держатся черногорцы иѣкоторое время, но турки видятъ, что у нихъ нѣтъ резервовъ и съ криками „алла!“ выпускаютъ цѣлый тaborъ противъ 20 черногорцевъ. Изъ 20 человѣкъ черногорцевъ остаются 8 въ живыхъ.

Возвращается Стадовскій обратно, встрѣчаетъ черногорца по дорогѣ. Черногорецъ показываетъ ему 5 человѣческихъ носовъ.

— Зачѣмъ тебѣ нужны эти носы?

— Надо воеводѣ Врбицѣ показать; за носы получу я медаль.

— А зачѣмъ губу захватилъ съ усами? спрашиваетъ Стадовскій, замѣчая часть усомъ подъ отрѣзаннымъ носомъ.

— Это нужно для того, чтобы по усамъ видно было, что я не зарѣзалъ женщину или старика, отвѣчаетъ черногорецъ.

Въ концѣ концовъ слѣдуетъ замѣтить, что отрядъ Медвѣдовскаго былъ отброшенъ въ первый же моментъ аттаки и отступилъ въ полномъ безпорядкѣ. Отрядъ потерялъ много людей, но не только не помогъ остальнымъ частямъ войска, но даже повредилъ имъ. Причины потери битвы 16-го сентября объясняются: 1) неправильнымъ расходомъ резервовъ; 2) поздней съемкою отряда Медвѣдовскаго изъ нашего лагеря; 3) позднимъ началомъ аттаки Медвѣдовскимъ или раннимъ началомъ аттаки центральныхъ войскъ, по прѣказанию Хорватова; 4) полнѣйшимъ незнаніемъ той мѣстности, съ которой Медвѣдовскому пришлося начать аттаку, какъ его солдатами, такъ и самимъ полковникомъ; 5) пемѣщенiemъ батальоновъ крагуевацкой бригады со знакомой имъ мѣстности на незнакомую (въ отрядъ Медвѣдовскаго), где эти батальоны не только не принесли пользы Медвѣдовскому, но даже свою потерянностью деморализовали и остальные части войскъ Медвѣдовскаго.

А въ концѣ концовъ слѣдуетъ замѣтить, что были у насъ самонадѣянные начальники, но не было опытныхъ и серезныхъ.